

“Философское образование” Вестник МЦ по русской философии и культуре (внешние связи), но и личности и различные общности, общности и социум, личности и социум (внутренние связи).

4. См. Лоу С. Философские истории. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 189-196.

5. См. Зеньковский В. В. О мнимом материализме русской науки и философии / Собрание соч. в 2-х т. Т. 1. – М.: Русский путь, 2008. – С. 262.

6. Напротив, о религиозности одного из последовательных атеистических направлений – марксизма сказано в философской литературе немало, чему подтверждением является историческая система «религии советизма» (См. Балагушкин Е. Г. Проблемы морфологического анализа религий. – М.: ИФ РАН, 2003. – С. 215). Н. А. Бердяев даже утверждал, что «атеизм есть лишь опыт в жизни человека, диалектический момент богоопознания. Прохождение через опыт атеизма может быть очищением человеческой идеи о Боге, освобождением от дурного социоморфизма» (см. Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Диалектика божественного и человеческого. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. – С. 353).

Ссылки

1. Фромм Э. Человек для себя. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2006.
2. Душина Т. В., Лагунов А. А. Общественные факторы религиозно-философской рефлексии // Вестник Российского университета дружбы народов. 2010. № 1.
3. Лопатин Л. М. Критика эмпирических начал нравственности // Статьи по этике. СПб.: Наука, 2004.
4. Кудрявцев-Платонов В. Д. Философия религии. М.: ФондИВ, 2008.

КАНТ В ФИЛОСОФИИ ПРАВА Б. Н. ЧИЧЕРИНА

О. Мархевски
(Словакия, Прешовский университет)

Иммануил Кант – философ всемирного, всеобщего масштаба. Его работы находят отклик в самых разных областях интеллектуальной и творческой деятельности. Предлагаемая статья является выражением интереса так же в области русской философии, в которой много внимания уделяется идейному наследию И. Канта. Постоянной темой русской философии, ее «проклятым

Приглашение к творческому диалогу

№23 январь - июнь 2011

вопросом» является проблема взаимоотношения с философией Запада /1/. Анализируя общественную мысль России XIX века, можно прийти к выводу, что постоянным камнем преткновения для нее была немецкая философия. Гегель является обязательным чтением для всех русских мыслителей этого периода. Большинство авторов, занимающихся поиском источников вдохновения творчества Бориса Николаевича Чичерина (1828-1904), также отмечают влияние Гегеля. Однако В.А. Каримов отмечает и влияние Канта: «В целом этические воззрения Б.Н. Чичерина развивались в контексте его правовых, социологических и политических концепций. Опираясь здесь в большей мере на Канта, чем на Гегеля, русский мыслитель защищал индивидуалистическое начало, акцентировал внимание на обосновании самоценности личности, абсолютного значения человека как свободного существа. Его... выступление против деспотизма, как явления, разрушающего нравственность, актуальны до сих пор» /2/. Это необходимо особо подчеркнуть, так как многие рассматривают Чичерина как гегельянца, о чем пишет, например Н.М. Аверин в своей работе под названием *Русский гегельянец второй половины XIX века* /3/.

Наш анализ, в этой связи, представляет собой попытку рассмотреть влияние уже упомянутого классика немецкой философии – Иммануила Канта – на «историка, политика и гражданина» /4/ царской России второй половины XIX века, профессора-западника, одного из основателей и наиболее видного представителя «государственной школы» в русской историографии, на книгах которого воспитывалась целая плеяда российской либеральной интеллигенции – Н. Бердяев, Е. Трубецкой, П. Новгородцев, И. Ильин, П. Струве ... » /5/ – Бориса Николаевича Чичерина. К этому можно еще добавить суждение А.М. Величко: «Чичерин-юрист неотделим от Чичерина-философа» /6/.

Анализируя краеугольные камни концепции философии права Чичерина – ее «несущие конструкции», вскроем их связь с творчеством Канта. Прежде всего, сосредоточимся на поиске этих взаимосвязей. Обратим также внимание на комментарии и оценки этих взаимосвязей со стороны исследователей творчества обоих мыслителей. В заключение попытаемся представить критику со стороны Чичерина некоторых односторонностей философии Канта.

Важным этапом в изучении философского наследия И. Канта и Б. Чичерина, является монографияпольской исследовательницы Станиславы Янкович *Общественная философия Бориса Чичерина* /7/. В данной работе обсуждается тема влияния Канта на общественную мысль Чичерина, а также на его *Философию права*. Это сочинение русского мыслителя положено в основу и нашего анализа. Наше внимание также будет сосредоточено, прежде всего, на работах позднего периода жизни, и в меньшей мере – на работах периода до его ухода с поста Московского городского головы /8/, анализ которых необходим для

“Философское образование” Вестник МЦ по русской философии и культуре подтверждения и разъяснения конкретных основных понятий, составляющих суть концепции философии права «патриарха русского либерализма» /9/.

В силу недостаточной изученности творчество Б.Н. Чичерина требует особого внимания со стороны историков философии. На актуальность изучения творчества Чичерина указывает Л.М. Искра: «Если до Чичерина русская политическая мысль была представлена публицистикой, сравнительно редко имевшей элементы науки, а также высказываниями политиков-практиков, то Чичерин первым в России превратил ее в науку, имевшую как теоретическое, так и практическое значение» /10/.

Что касается творчества Канта, то необходимо заметить, что Чичерин непосредственно обращается к его идеям, но на страницах *Философии права* мы не найдем ни одной ссылки на какое-либо произведение Канта. В одной заметке в издании 1998 года можно найти информацию о том, что Чичерин был знаком с понятием и содержанием категорического императива Канта и читал его *Основоположения метафизики нравов*. Однако это указание исходит не от самого Чичерина, а от редактора издания /11/.

Читая *Философию права*, находим, что основной мотив этого произведения можно обнаружить в виде вопроса: «Что должно вести законодателя?» /12/. Ответ на этот вопрос Чичерин ищет в понятии философии. Он категорично отказывается от абсолютизации опыта, которым, по его мнению, очень неудачно пользуется социализм, являющийся предметом постоянной критики Чичерина. Чичерин стремится показать бессмысленность мышления, основанного только на эмпиризме, указывая, что, отталкиваясь от совокупности явлений невозможно установить их причину: «Как скоро отвергается метафизика, т. е. те рациональные начала, которые всегда служили и служат руководителями человека как в теоретическом познании, так и в практической деятельности, так исчезает всякая возможность понимания общественных явлений» /13/. Здесь подчеркивается значимость метафизики для Чичерина. Философия, по его мнению, непосредственно связана с теми метафизическими началами, которые лежат в основании философии права. Законодатель поэтому должен ориентироваться в философии.

По мнению Чичерина, огромный вклад в понимание этого внес Гегель, а также Кант как представители «идеальной школы», которая является «высшее развитие философской мысли. К ней поэтому должна примыкать возрождающаяся потребность философского понимания. В особенности зачинатель и завершитель этого направления, Кант и Гегель, i maestri di color che sanno /14/, по выражению Кэрда, заслуживают самого внимательного изучения со стороны юриста-философа. Кант, в своем глубоком анализе человеческих способностей, умел сочетать индивидуалистические начала французских философов XVIII в. с нравственными требованиями школы Лейбница. Кант

Приглашение к творческому диалогу

№23 январь - июнь 2011

является источником вдохновения для законодателя Чичерина, потому что он «превосходно выяснил это умозрительное значение права как чисто умственного отношения в отличие от физического владения. И это признается всеми законодательствами в мире. Право собственности, как умственная принадлежность вещи лицу, везде отличается от физического владения». Философия для Чичерина, по нашему мнению, является особым подходом к жизненным и мировым событиям. Необходимо отметить, что это также имеет непосредственную связь с основным вопросом, определенным в начале работы. «Путеводно нитью может служить нам само движение философской мысли в ее отношениях к общественной жизни» /15/, добавляет Чичерин, думая об основной роли философии для законодателя. Как замечает Л.М. Искра, Чичерин придает своим произведениям научный и систематический характер. Эти принципы в полной мере воплощены также в *Философии права*. Чичерин занимается спецификацией частных понятий, имеющих важное место в его концепции. Определенным проблемам и вопросам Чичерин отводит в *Философии права* соответствующие отдельные главы и параграфы.

Первым основополагающим понятием в *Философии права* у Чичерина, как и у Канта, является личность: «Здесь лицо составляет краеугольный камень всего общественного здания; не зная природы и свойств человеческой личности, мы ничего не поймем в общественных отношениях»; «... не общество, а лица думают, чувствуют и хотят; поэтому от них все исходит и к ним все возвращается» /16/. Это подтверждает и следующее высказывание: «.... личности присваивается известное достоинство, в силу которого она требует к себе уважения. Это опять начала чисто духовные, неизвестные физическому миру». Приведенная мысль подтверждает высказанное нами мнение, и в то же время сосредоточивает наше внимание на следующем размышлении Чичерина о человеке. Человек – существо, заключающее в себе одновременно физические начала – тело и начала идеальные – духовную природу. Именно это понимание человека является принципиальным для определения основного вопроса *Философии права* Чичерина. «Источник этого высшего достоинства человека и всех вытекающих из него требований заключается в том, что он носит в себе сознание Абсолютного, т. е. этот источник лежит именно в метафизической природе субъекта, которая возвышает его над всем физическим миром и делает его существом, имеющим цену само по себе и требующим к себе уважения» /17/. Человек для Чичерина, таким образом, является *метафизическим существом*. Сознание Абсолютного есть в человеке, как замечает Чичерин, и оно может быть открыто для познания. Орудием этого познания является *разум*.

Таким образом, разум является следующим основополагающим понятием концепции философии права Чичерина: «Существо разума состоит в том, что он внешнее разнообразие явлений сводит к общим категориям, составляющим

собственные его определения, как деятельной силы. Содержание он получает из опыта, но формальные начала, к которым сводится это опытное содержание, устанавливаются им самим». Здесь мыслитель вновь обращает свое внимание на философию Канта, который, как отмечает Чичерин, формулирует основное требование разума: «...коренное, формальное требование разума, которое Кант выразил в виде *категорического императива* “Действуй так, чтобы правило твоих действий могло быть законом для всякого разумного существа”. Это требование категорическое, т. е. безусловно общее, вытекающее из самого существа разума, следовательно из природы разумного существа как такового» /18/. Это не только орудие познания, или обращенность к абсолютному, а также «определяющий фактор общественной жизни» /19/. Во-первых, разум играет роль арбитра, во-вторых, кроме уже заявленных атрибутов разума, он, по Чичерину, не лишен изъянов, а потому не является совершенным и безошибочным. Однако, как уточняет Чичерин, как ни слаб разум человека, «как ни часто он ошибается, иного орудия познания у него нет». Далее Чичерин подчеркивает, что «над чисто животными элементами воздвигается целый духовный мир, источником которого служат разум и воля: этими высшими способностями человек вступает во взаимодействие с себе подобными; на истекающих отсюда отношениях строится общежитие» /20/.

Поставим далее вопрос, что такое *воля*? Это сила, порождаемая разумом. То, что Чичерин пишет о разуме и его свойствах, имеет влияние также и на волю. Будучи порожденной разумом, она является волей, с одной стороны, совершая хорошие поступки, а с другой – плохие, т.е. совершать как добро, так и зло. Это понимание сущности человека, разума и воли имеет основополагающее значение для формирования концепции философии права Чичерина.

Кроме разума, воли, определений физического и духовного, Чичерин выделяет еще две особенности природы человека. Во-первых, это цель человека, которой является личное *счастье*: «Наибольшая сумма удовольствий составляет счастье. Поэтому человек естественно стремится к счастью и избегает всего, что может его нарушить. Таков непреложный закон природы; иной цели человек иметь не может; и она составляет для него единственное мерило добра и зла. Добром называется то, что ведет к счастью, злом то, что ему противоречит». И еще он добавляет позднее, что «...личный интерес составляет главную движущую пружину всякой плодотворной деятельности» /21/. В этих высказываниях Чичерин противоречит самому же себе, защищавшему принципы метафизики и заявлявшему о недостаточности эмпиризма, а также и Канту, от которого он во многом стремился отталкиваться. Как известно, Кант критиковал гедонистические концепции морали, утверждая, что необходимо стремиться к добродетели, а не счастью. Чичерин же в приведенных выше высказываниях занимает прагматическую точку зрения.

Во-вторых, Чичерин постулирует необходимость *общения* и личного взаимодействия между людьми: «Отдельное лицо не в силах удовлетворять своих потребностей; оно ищет общения с другими. Это стремление вложено в него самою природою, оно проявляется с самых первых времен его существования». И добавляет: «Все стороны человеческого естества развиваются и достигают полноты только при взаимном общении» /22/.

Эти две сущностные характеристики человека и возможность их противопоставления приводят Чичерина к постановке проблемы *свободы*. Так, он пишет: «В видах собственного добра он должен делать добро другим. Таким образом, добродетель есть не что иное, как правильный расчет» /23/. В другой работе он уточняет: «Действовать с успехом, нарушая законы человеческого общежития столь же мало возможно, как построить машину, не соображаясь с законами механики» /24/. Чичерин в этой связи отмечает, что все не так просто, и проблема свободы становится основной в его последующих изысканиях. Здесь он черпает вдохновение в рассуждениях немецкого мыслителя о свободе: «Кант утверждал, что прирожденное человеку право только одно, а именно свобода; все остальное в ней заключается и из нее вытекает». Вместе с тем, по Чичерину, «свобода человека вовсе не противоречит законам природы, а, напротив, совершенно с ними совместна» /25/. Здесь мы вновь обнаруживаем отход от позиции Канта, полагавшего, что свобода, как источник морали, является исключительным достоянием человека.

С другой стороны, Чичерин, как и Кант, уверен в детерминированности всех проявлений деятельности человека. Однако это касается конкретных мотивов, которые человек сам себе определяет: «Эти решающие мотивы могут быть и чисто внутреннего свойства, принадлежащие субъекту как таковому и независимые от его внешних отношений. Такова самая идея свободы» /26/.

На этом фоне философ определяет два вида свободы. *Нравственно-внутренняя* свобода присуща каждому человеку. Чичерин пишет: «хранителем нравственного закона и верховным судьей человеческой совести может быть только само божество» /27/. Нравственная свобода является открытым пространством для действования. Здесь необходимо заметить, что Чичерин вообще не исключает возможность плохих поступков: «Нравственная свобода перестает быть свободою, как скоро у нее отнимается произвол, т. е. возможность противоположного» /28/.

В *Курсе государственной науки* Чичерина находим следующее: «не развитием логических начал, а реальным актом, живым взаимодействием между человеком и Богом разрешаются нравственные вопросы, примиряется правосудие с милосердием и восстановляются цельность и полнота всего нравственного мира» /29/. Эта свобода нам показывает, что является хорошим, правильным, нравственным. Эти начала живут у каждого человека, имея

духовное измерение: «На признании свободы основаны понятия вины и ответственности; в силу этого за нарушение закона полагается наказание» /30/.

Вина и ответственность – категории, которые приводят нас к постановке проблемы *внешней* свободы. В определении *Философии права*, этот второй, отличный от нравственно-внутренней свободы вид, ограничен законами: «Каждый член общества должен знать, что он может делать и чего не может. Свобода должна быть определена и ограждена законом, то есть должна сделаться правом» /31/, – это читаем на страницах работы Чичерина *О народном представительстве*. Здесь возникает необходимость установления границы возможностей реализации личных амбиций исходя из потребностей общего сосуществования. Для образования этих границ в качестве законов необходима внутренняя свобода, особенно ее нравственный аспект. Если бы не было свободы, «то весь юридический закон и все построенное на нем человеческое общежитие не имели бы смысла. Со своей стороны, внутренняя свобода без внешней лишена действительности» /32/, – пишет Чичерин в работе *Собственность и государство*.

Обсуждение рассмотренных выше понятий приводит нас, в свою очередь, к проблеме соотношения *закона и права*, с одной стороны, и *нравственности* – с другой. Обсуждая эту проблему, Чичерин отмечает, что и Кант находит разницу между правом и нравственностью: право он определяет как внешнюю, а нравственность – как внутреннюю свободу. Начало у этих свобод одно – духовная природа человека, для которой земным воплощением нравственного идеала, по Чичерину, является жизнь Иисуса Христа.

Закон как ограничение свободы Чичерин, таким образом, разделяет на *моральный* и *государственно-юридический*. Здесь также встречаем ссылку на Канта: «Великий германской философ указал и на то необходимое условие, без которого немыслимо исполнение нравственного закона, а именно на свободу воли» /33/. Это влияние, анализируя творчество Чичерина, обнаруживает также Каримов: «Полемизируя с Вл. Соловьевым, Чичерин подчеркивал справедливость позиции Канта, считавшего свободу воли необходимым постулатом нравственной философии» /34/.

Нравственный закон всеобщ, он открыт для всех. Он есть у любого человека как духовного существа. Он также является основой для образования закона государственного. «Право как взаимное ограничение свободы под общим законом составляет неотъемлемую принадлежность всех человеческих обществ», – пишет Чичерин на страницах *Философии права* /35/. Ему подчинены все, и он устанавливает основанное на праве неравенство между лицами. Так как это неравенство основано на законе, оно справедливо и связано, например, с определенным местом в иерархии государственной службы. Главным свойством закона является его принудительный характер.

Далее, исходя из творчества Чичерина, попытаемся объяснить почему, кто и на каких основах созидает формы общественного сосуществования людей.

Согласно концепции философии права Чичерина необходимым является исследование четырех союзов, в которых образуется сосуществование: *семья, церковь, гражданское общество и государство*. *Гражданское общество* «...есть совокупность частных отношений между лицами, управляемых гражданским, или частным, правом» /36/. Ключевым здесь является, как и у Канта, факт ограничения свободы и отношений между гражданами законом. Закон есть также «... связующее начало государственного союза» /37/. Гражданское общество при этом является источником, корневой системой государства.

Вместе с тем стоит отметить, что вне его специального анализа остались международные отношения. Однако именно этот вопрос очень важен в современном мире /38/. Позиция Чичерина относительно данного вопроса недостаточно ясна, хотя он и посвящает ему целую главу. Нас заинтересовала эта тема в связи с тем, что на основе ее можно было бы провести интересный сопоставительный анализ взглядов Канта и Чичерина на международные отношения. Чичерин занимается этим вопросом прежде всего в связи с постоянными войнами, в которых уничтожаются люди, разрушаются государства и мир во всем мире /39/. Идентичное утверждение находим и у Канта в известной работе *Предполагаемое начало человеческой истории*: «Следует признать, что величайшие бедствия, терзающие благовоспитанные народы, – это последствия войны, а именно не столько последствия происходящей ныне или происходившей, сколько неослабевающих и даже беспрерывно увеличивающихся приготовлений к будущей» /40/. Очень интересно то, что обнаруживается даже терминологическое сходство. Понятие *вечный мир*, которое находим у Канта /41/, встречаем также и у Чичерина в его *Философии права*. В отличие от Канта, который обстоятельно анализирует данную проблему, Чичерин более сдержан. Видимо, он скептически относится к возможности осуществить это состояние возможности построения «всемирного государства» в рамках движения к «вечному миру». То, что возможно, по его мнению, это «только установление более или менее нормального строя в международных отношениях» /42/. Этим рассуждения Чичерина исчерпываются. Он еще намечает тему невозможности по закону вмешиваться во внутренние дела другого самостоятельного государства, что очень похоже на идею Канта, высказанную также в произведении *К вечному миру* /43/, однако не развивает ее. Это выглядит по меньшей мере странно для такого тщательного и всестороннего аналитика, каким был Чичерин.

Ранее мы высказались о критическом подходе Чичерина к творчеству Канта, сейчас это необходимо уточнить. Этот критический подход А.М. Величко связывает со стремлением Чичерина создать «культурно-исторический идеал»

/44/ и воспринимает это стремление Чичерина как попытку возрождения категорического императива Канта. Позволим себе добавить, что, с нашей точки зрения, стремление Чичерина использовать категорический императив Канта связано с поиском рациональной почвы для нравственных правил. Конечно, законодатель может пользоваться категорическим императивом, однако Чичерин считает это недостаточным и стремится разработать дополнительные механизмы деятельности законодателя по моральному регулированию создаваемых законов. Можно привести следующее его суждение на этот счет: «Кант утверждал, что только чужое, а не собственное счастье может быть нравственной целью для человека, ибо первое может быть нравственной целью для человека, ибо только первое может быть предметом обязанности, ко второму же человек стремится по естественному влечению, которое ничего нравственного в себе не заключает. Но эта точка зрения была последствием односторонних понятий Канта о действии по обязанности, помимо всякого чувства». Важным также является высказывание самого Чичерина по поводу нравственного закона: «Нравственный закон требует от человека, чтобы он умел ценить те блага, которые даны ему Творцом» /45/. Это сознание исходит из абсолютного – умом познаваемого и церковью как союзом приближаемого.

Отношение Чичерина к Канту мы можем прояснить, обратившись к следующим строкам в *Философии права*: «...так же как в отношении к себе, человек может поставить себе целью пользу ближних в двояком отношении: можно содействовать как чужому счастью, так и чужому нравственному совершенствованию. Кант, в противоположность тому, что он признавал в отношении к себе, допускал только первое, а не второе на том основании, что нравственное совершенствование зависит исключительно от внутреннего самоопределения, а не от внешних влияний. Но и этот взгляд страдает односторонностью. Есть тысячи путей, которыми человек может нравственно действовать на другого, не посягая на внутреннюю его свободу» /46/. Исходя из точки зрения Чичерина можно заключить, что этику Канта он определяет как основанную на постуатах.

Что касается разницы между Кантом и Чичерином, то необходимо отметить, что Чичерин связан с реальным политическим действием. Он является настоящим политиком, в отличие от Канта – теоретика. Это подтверждают исследования таких авторов, как Искра или Федорин. В итоге можно вполне согласиться с Л.М. Искрой, который отмечает, что с именем Чичерина «связано создание оригинальной и цельной философско-правовой системы европейского уровня» /47/. В связи с этим необходимо с полной серьезностью отнестись к творческому наследию Б.Н. Чичерина, не утратившему свою актуальность до сегодняшнего дня, когда Россия стоит перед задачей создания правового государства.

Ссылки

1. См. об этом параграф «Интерпретации творчества Иммануила Канта в русской философии» в монографии Нижникова С.А. «Духовное познание в философии Востока и Запада» (М.: РУДН, 2009. С. 274-281).
2. Каримов В.А. Нравственная философия Б.Н. Чичерина // Научное наследие Б.Н. Чичерина: история и современность. Сост.: Аверин Н.М., Окатов В.Н., Кокорев А.С. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 1998. С. 34.
3. Аверин Н.М. Русский гегельянец второй половины XIX века // Там же. С. 35 – 39.
4. Россель Н.В. Общественно-политические взгляды и деятельность Б.Н. Чичерина по его мемуарам и трудам. Ростов-на-Дону: Ростовский гос. университет, 1998. С. 1.
5. Там же. С. 2.
6. Величко А.М. Учение Б. Н. Чичерина о праве и государстве. СПб: СПбГУ, 1995. С. 2.
7. Jankowicz S. Filozofia spoieczna Borysa Cziczerina. Krakw: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2002. 350 s.
8. И.В.Гульбинский выделяет следующие периоды жизни и творчества Чичерина: 1828-1845 – до поступления в университет; 1846-1856 – до защиты диссертации; 1856-1860 – до занятия кафедры Московского университета; 1861-1867 – до ухода из университета; 1868-1883 – до ухода с поста Московского городского головы; 1883-1904 – последний жизненный период (Гульбинский И. В. Борись Николаевич Чичеринъ. Био-библиографический очерк. Москва, Типографія Т-ва Рябушинских, 1914. С. 2).
9. Трубецкой Е. Борис Николаевич Чичерин как поборник правды в праве. СПб: Сенатская Типография, 1904. С. 1.
10. Искра Л.М. Политические и исторические взгляды Б.Н. Чичерина. Воронеж: ВГУ, 1996. С. 3-4.
11. См. примечания 47 и 48 в кн.: Чичерин Б.Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. С. 621.
12. Чичерин Б.Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. С. 21.
13. Там же. С. 34.
14. В пер. с лат.: “учители тех, которые знают”. Там же. С. 35.
15. Чичерин Б.Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. С. 35-36, 105-106.
16. Там же. С. 34, 38.
17. Там же. С. 59.
18. Там же. С. 141, 142.

19. Там же. С. 38.
20. Там же. С. 171, 39.
21. Там же. С. 137, 206.
22. Там же. С. 60, 63.
23. Там же. С. 137.
24. Чичерин Б.Н. Собственность и государство. Ч 1. М., 1882. С. 5.
25. Чичерин Б.Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. С. 44, 36, 95.
26. Там же. С. 48.
27. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. 2. М., 1896. С. 240. На это также указывает в своем исследовании «Мораль как важнейший связующий фактор Абсолюта (Бога) и человека в религиозно-философской антропологии Б. Н. Чичерина» И.И. Буличев (См.: Научное наследие Б.Н. Чичерина: история и современность. Тамбов, 1998. С. 18-23).
28. Чичерин Б.Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. С. 56.
29. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. 2. М., 1896. С. 418.
30. Чичерин Б.Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. С. 42.
31. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1866. С. 10.
32. Чичерин Б.Н. Собственность и государство. Ч. 1. М., 1882. С. 17.
33. Чичерин Б.Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. С. 144.
34. Каримов В.А. Нравственная философия Б.Н. Чичерина // Научное наследие Б.Н. Чичерина: история и современность. Тамбов, 1998. С. 32.
35. Чичерин Б.Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. С. 62, 63.
36. Там же. С. 202.
37. Там же. С. 21, 233, 234, 237.
38. На что указал словацкий исследователь Любомир Белас: «Человек сегодня вынуждается пользоваться собственным разумом, чтобы оценить ту ситуацию, в которой он оказался...» (Belas L. Vyznam vyuucovania filozofie na univerzite // Clovek – dejiny – kultura III. Belas L. (ed.). Presv: APh, 2009. s. 59).
39. Чичерин Б.Н. Философия права. С. 251.
40. Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Собр. соч.: В 8 тт. Т 8. М., 1994. С. 86.
41. Кант И. К вечному миру // Там же. С. 6, 56.
42. Чичерин Б.Н. Философия права. С. 257.
43. «Ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в политическое устройство и управление другого государства» (Кант И. К вечному миру // Там же. С. 9).
44. Величко А.М. Учение Б. Н. Чичерина о праве и государстве. СПб., 1995. С. 12.
45. Чичерин Б.Н. Философия права. С. 162.
46. Там же. С. 165.
47. Величко А.М. Учение Б.Н. Чичерина о праве и государстве. СПб., 1995. С. 2.

**ДИСКУССИЯ СОВРЕМЕННИКОВ
А.А.БОГДАНОВА ПО ПОВОДУ ЕГО ТЕОРИИ
«ЭМПИРИОМОНИЗМА» (20-30-е гг. XX в.)**

Д.М. Попова
(МАИ)

Пожалуй, трудно найти во всей истории развития отечественной философии более сложный период, чем первые десятилетия XX в.

В столкновении старого и нового, в поиске решения смысложизненных проблем на рубеже столетий рождались оригинальные философские системы, влияние которых ощущается и в наше время. Мыслителей, творчество которых с наибольшей силой проявилось в начале XX столетия, невозможно «выстроить» в иерархический ряд по их вкладу в развитие русской философии. Различны интересовавшие их проблемы, и порой прямо противоположны подходы их решения.

Одновременно с ярким развитием революционных течений в России началось очень сильное, все разгоравшееся с годами религиозно-философское движение. После революции, в обстановке общего упадка движения, нарастающие разногласия между лидерами большевизма, и прежде всего, А.А. Богдановым и В.И. Лениным, привели к расколу в рядах большевиков.

Основные разногласия В.И. Ленина с А.А.Богдановым строились на особенностях трактовки теории марксизма.

Исторический материализм Маркса и Энгельса Богданов трансформировал в «исторический монизм», по мнению В.И. Ленина, «оторвав» его от материалистической диалектики. По этому поводу Ленин писал, что Богданов вместо углубления марксизма как научно-эволюционной методологии получил «наверху»... – исторический материализм, правда, вульгарный и сильно подпорченный идеализмом, «внизу» – идеализм, переодетый в марксистские термины, подделанный под марксистские словечки» /1/.

Сам Богданов всегда считал себя марксистом, но его отношение к марксизму было продиктовано в первую очередь позицией исследователя. Для него марксизм был не столько жесткой, политической, замкнутой доктриной, сколько открытой научной системой, которая должна входить в контакт с другими взглядами, взаимодействовать с теоретическими положениями немарксистских течений и творчески развиваться в тесной связи с социальной практикой, усваивая результаты научных поисков и различного творческого опыта. Богданов решительно отвергал «ортодоксальный» марксизм, основанный на догматизме, социализм, опирающийся лишь на слепую веру и фанатический энтузиазм.